

ПУСТЫШКА
ДЛЯ ДРАКОНОВ

Ирен Софи

18+

Ирен Софи

Пустышка для драконов

<https://litres.ru/74149454>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я умерла под колёсами машины и очнулась в чужом теле — в теле Пустышки, девушки без магии, которую в этом мире презирают все. Меня называют пустым сосудом, но внутри меня просыпается дар, которого не было тысячу лет. Он делает меня опасной. Он делает меня желанной.

Двое драконов претендуют на мою душу. Один — ледяной ректор, который называет меня своей ответственностью и стирает с моей кожи чужой запах поцелуями. Другой — наследник императора, чей огонь обжигает, а прикосновения обещают власть. Они ненавидят друг друга, но готовы делить меня, потому что без меня их магия угасает, а их сердца молчат.

Но есть третий. Тот, кого заточили во тьму на триста лет. Тот, чья тьма откликается на мой свет. Тот, кто может научить меня управлять даром или уничтожить всех, кто мне дорог.

Я не знаю, кому из них принадлежу. Им? Себе? Силе, которая растёт внутри меня? Но когда армия императора встанет у ворот, мне придётся сделать выбор.

Или принять их всех. И стать тем, чего бояться даже боги.

Содержание

Глава 1	4
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	22
ГЛАВА 4	32
Глава 5	40
Глава 6	45
ГЛАВА 7	53
ГЛАВА 8	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ирен Софи

Пустышка для драконов

Глава 1

Катерина

Я подписала бумаги в восемнадцать-ноль две. Запомни-ла время, потому что в этот момент ручка кончилась, и мне пришлось дописывать свои инициалы собственной кровью — порезав палец об острую скрепку. Сотрудница МФЦ, женщина лет пятидесяти с усталыми глазами и накрашенными ресницами, посмотрела на меня как на сумасшедшую и молча протянула бумажный платок.

— Девушка, вы в порядке? — спросила она, и в её голосе было что-то материнское, почти испуганное.

— В полном, — ответила я и улыбнулась.

Она, наверное, подумала, что у меня случился нервный срыв. Или что я в аффекте. Ни то, ни другое. Я ушла, с одним чемоданом, без денег и без жилья, потому что лучше ночевать на вокзале, чем ещё один день просыпаться рядом с человеком, который считает тебя бракованной.

Июльская гроза собиралась над уже несколько часов, но дождь всё не начинался — только ветер гнал по тротуару листья. Я стояла на крыльце МФЦ, сжимала в руке паспорт и

свидетельство о расторжении брака, и смотрела на темное небо.

Восемь лет назад я выходила замуж за Дениса и думала, что это навсегда. Через три года он начал называть меня ненормальной. Ещё через два — я уже пила таблетки, которые выписывал его знакомый психиатр, потому что муж сказал: «У тебя проблемы с головой, Катя. Кому ты нужна такая, кроме меня?» Я верила. Я не знала, что нормальная реакция на унижение — это гнев, а не смирение. Я не знала, что человек, который как будто тебя любит, лечит тебя от того, кем ты не являешься.

Потом я застала его с моей подругой в нашей постели. Я не устроила скандала. Не стала бить посуду. Я просто вышла в другую комнату, села на пол и просидела так до утра, глядя в стену. А наутро позвонила юристу. Удивительно, как быстро рушатся иллюзии, когда перестаёшь их подпитывать.

Светофор горел красным, но на дороге не было ни одной машины — только серая, пустая лента асфальта, уходящая в никуда. Я вышла на проезжую часть. И в этот момент увидела фары.

Они вынырнули из-за поворота слишком быстро, слишком близко. Я не услышала сигнала — может, его и не было. Я только увидела, как жёлтый свет заливает всё вокруг, превращая серый вечер в ослепительный день, и я замерла, потому что тело отказалось подчиняться. Меня отбросило в сторону, и я не успела даже закричать. Я упала на асфальт, и

боль пронзила рёбра, позвоночник, голову — всё взорвалось одновременно.

А потом боль исчезла. Просто перестала быть, как будто кто-то за стенкой выключил звук. Я лежала на спине и смотрела в небо. Дождь наконец-то пошёл — первые тяжёлые капли упали мне на лицо, смешиваясь с кровью, и я почему-то подумала о том, что хорошо, что не накарсила ресницы. Глупо. Но это была последняя человеческая мысль, которую я успела поймать за хвост. Это была последняя мысль, которую я успела додумать до конца. А потом всё погасло.

Очнулась я от того, что что-то больно впивалось в спину. Я с трудом разлепила веки. Надо мной нависал потолок из тёмного камня. Высокие своды терялись в полумраке. В воздухе плавали светящиеся шары — они мерцали мягким голубоватым сиянием.

— Очнулась, Пустышка? — раздался голос.

Женский, с нотками брезгливости. Я повернула голову. Рядом стояла невысокая женщина в сером балахоне, подпоясанном верёвкой, с седыми прядями в русых волосах. Её лицо было измождённым, под глазами залегли синие тени, губы побледнели и потрескались. В руках она держала стеклянную склянку с мутной зелёной жидкостью, которая пузырилась и переливалась, как живая.

— Где я? — спросила я. Голос, который вырвался из моего горла, не был моим — тонкий, сиплый, как у человека, который много кричал и плакал.

Женщина поставила склянку на тумбочку, поправила рукав балахона и только потом ответила.

— Ты в лазарете Академии Золотого Крыла, — сказала она. — Тебя принесли два дня назад. Мы думали, ты умрёшь. Пустышки редко выживают после отката магии.

Каждое слово было мне непонятно, но звучало так, будто я должна была знать, о чём идёт речь. Академия, откат магии, Пустышка — эти слова висели в воздухе, не складываясь в осмысленную картину.

— Я Катя, — сказала я, пытаюсь сесть. — Меня сбила машина.

Женщина посмотрела на меня с жалостью. Она покачала головой и отвернулась к столику с инструментами. Я опустила взгляд на свои руки и замерла. Они были чужими. Бледными, почти прозрачными, с длинными тонкими пальцами, унизанными дешёвыми колечками. На левом запястье темнел багровый след от верёвки. На правом — свежие ссадины, покрытые запёкшейся кровью.

Я поднесла ладонь к лицу. Потрогала щёку — скулы стали острее. Провела пальцами по носу — он изменил форму, стал тоньше. Это было не моё тело. Я почувствовала, как внутри поднимается паника. Я не знала, где нахожусь. Я не знала, кто я теперь.

— Пей, — женщина сунула мне склянку. — Или умрёшь по-настоящему. Здесь это случается быстрее, чем в твоём мире.

«В твоём мире». Я взяла склянку дрожащими руками. Жидкость внутри была тёплой. Я поднесла её к губам, сделала глоток — и чуть не закашлялась. Напиток обжигал горло горькой мятой и чем-то металлическим. Но почти сразу боль начала отступать. Рёбра перестали ныть, головная боль растаяла. А потом в голову ударили чужие воспоминания.

Они хлынули потоком. Я увидела девушку с длинными светлыми волосами и огромными зелёными глазами, которая стояла посреди каменного зала, окружённая смеющимися лицами в чёрных мундирах. «Пустышка! Пустышка!» — кричали они, и слова эти были хуже любого оскорбления, потому что означали «никчёмная», «недочеловек».

Девушка плакала, но не опускала головы. Она сжимала кулаки и смотрела прямо перед собой, туда, где в кресле на возвышении сидел золотоволосый юноша в алой мантии.

Потом картинка сменилась. Девушка лежала на каменном полу, и её тело сотрясали судороги — электрические разряды пробегали по коже, оставляя чёрные ожоги. Золотоволосый юноша стоял над ней, опустив руку, с которой ещё стекали искры.

Он убил её. Ударил молнией. За то, что она плюнула ему в лицо. Но в последний момент, перед тем как ее сердце остановилось, она прошептала одними губами: «Я не умру. Я не должна умереть».

И я поняла, что это желание стало крючком, за который зацепилась моя душа, когда я упала под колёса. Её тело иска-

ло, кому передать свою жизнь. Моя душа искала, где укрыться от смерти. И мы нашли друг друга.

Я открыла глаза. Женщина-лекарь уже убрала пустую склянку и теперь перевязывала мне запястья чистыми бинтами. Она работала быстро, профессионально, не глядя на меня.

— Завтра клеймение, Пустышка, — сказала она. — Ректор решил оставить тебя в Академии. Будешь мыть посуду и полы, прислуживать в покоях. Это лучше, чем умереть на улице.

— Какого ректора? — спросила я.

— Зававра вар Торна. Самого опасного дракона в империи. — Она затянула узел и подняла на меня глаза. В них не было сочувствия — только констатация факта. — Ты теперь его собственность, Пустышка.

Она встала, поправила балахон и вышла, оставив дверь приоткрытой. Я осталась одна в полумраке лазарета, на жёсткой койке, в чужом теле, с чужими воспоминаниями и с одной мыслью, которая стучала в висках: меня сбила машина, я умерла, я воскресла, я в другом мире, и меня уже назвали чьей-то собственностью.

— Я не буду чьей-то собственностью, — сказала я в пустоту. — Не снова.

В дверях кто-то тихо рассмеялся. Я подняла голову. На пороге стоял он. Золотоволосый красавец из воспоминаний Катрины — тот самый, кто убил её ударом молнии. Алуо

мантию он сменил на расстёгнутую белую рубашку и чёрные брюки, и в этом одеянии выглядел ещё опаснее — ослабленный, уверенный в себе, который не сомневается, что жертва никуда не денется. Он прислонился плечом к дверному косяку, скрестил руки на груди и смотрел на меня золотыми глазами, в которых горел не гнев, а любопытство.

— Идём, Пустышка, — сказал он, и голос его был сладким, как мёд с примесью яда. — Ректор велел отвести тебя в твою новую комнату. Я вызвался сам. Угадай почему.

— Потому что тебе нечем заняться, — ответила я, поднимаясь.

Он улыбнулся — широко, красиво, обнажая идеальные белые зубы.

— Потому что ты проснулась другой, Пустышка. И я хочу узнать — кем именно.

Он шагнул вперёд, протянул мне руку ладонью вверх, и я увидела, как между его пальцами пробегают крошечные золотые искры. Воздух вокруг него нагрелся — я почувствовала это кожей, хотя он стоял в нескольких шагах. Я не взяла его руку. Прошла мимо, задев плечом его плечо, и вышла в коридор.

— Меня зовут Катрина, — сказала я, не оборачиваясь. — Не Пустышка.

Его смех догнал меня уже в коридоре.

— Катрина, — повторил он. — Что ж, Катрина. Посмотрим, как долго ты продержишься.

Я не ответила. Шла вперёд по каменному коридору, освещённому теми же парящими шарами. В голове проносились не мои воспоминания. За спиной у меня был Антар, наследник императора, который убил предыдущую хозяйку этого тела, а впереди — ректор, который назвал меня своей собственностью.

ГЛАВА 2

Я шла босиком по холодному камню, и каждый шаг отдавался болью в пятках — прежняя Катрина, видимо, не носила обуви несколько дней, и кожа на подошвах успела потрескаться и огрубеть. Позади меня раздавались лёгкие, почти неслышные шаги Антара. Он не обгонял, не подгонял, просто шёл следом, позволяя мне выбирать направление, и от этого его присутствие становилось ещё более давящим.

— Налево, — сказал он, когда я замешкалась на развилке. — Твоя комната в конце этого коридора. Рядом с кухней. Ректор считает, что прислуга должна просыпаться раньше всех и засыпать позже всех.

— А ты что считаешь? — спросила я, не оборачиваясь.

— Я считаю, что ректор слишком стар, чтобы помнить, каково это — быть молодым. — В его голосе прозвучала усмешка. — Но здесь не спрашивают мнения, Пустышка. Здесь вообще ни у кого ничего не спрашивают.

Я остановилась и повернулась к нему. Он стоял в трёх шагах, засунув руки в карманы брюк, и смотрел на меня с выражением, которое я не могла прочесть. Золотые глаза поблёскивали в полумраке, как у кошки.

— Меня зовут Катрина, — сказала я. — Еще раз тебе говорю.

Он склонил голову набок, разглядывая меня так, будто я

была редким экземпляром в его коллекции.

— Прежняя ты тоже так говорила. Требовала, чтобы её называли по имени. А когда я не послушался, плюнула мне в лицо.

— И ты убил её за это.

— Я убил её за то, что она оказалась шпионкой. — Его голос стал ниже, в нём прорезались металлические нотки. — Плевок был просто последней каплей. Если хочешь знать правду — мне жаль, что всё так вышло. Она была слишком молода для такой смерти.

Я не ожидала от него этих слов. Вообще не ожидала, что наследник престола способен на сожаление. В воспоминаниях Катрины он рисовался чудовищем — бездушным, жестоким, наслаждающимся своей властью. Но сейчас он казался просто уставшим парнем, которому надоело играть роль, навязанную рождением.

— Ты правда сожалеешь? — спросила я.

— Правда. — Он сделал шаг вперёд, сокращая расстояние между нами. — Но это не значит, что я не убью снова, если почувствую угрозу. Ты теперь в моём мире, Катрина. Здесь правила другие. Здесь слабые умирают, а сильные выживают. Вопрос только в том, к какой категории ты относишься.

— Я не слабая, — сказала я. — Просто пока не знаю, на что способна.

Антар улыбнулся — на этот раз без издёвки, почти тепло.

— Это самый честный ответ, который я слышал за послед-

ние сто лет. — Он отступил на шаг и кивнул в сторону дальней двери. — Идём. Ректор не любит, когда его заставляют ждать.

Комната, которую определили мне для жилья, оказалась каморкой с низким потолком и крошечным зарешечённым окном под самым сводом. Внутри стояла железная кровать с тонким тюфяком, деревянная табуретка и глиняный кувшин с водой на подоконнике. Больше ничего. Ни шкафа, ни стула, ни даже свечи.

Я села на край кровати и обхватила плечи руками. Тело прежней Катрины было худощавым, но в нём чувствовалась какая-то скрытая сила.

— Здесь нет замка, — сказала я, заметив, что дверь не закрывается.

— Замок тебе не понадобится, — ответил Антар, прислонившись к косяку. — Никто не тронет вещи Пустышки. В них нет ценности.

— Я не о вещах. Я о себе.

Он посмотрел на меня с любопытством, и в его глазах что-то сверкнуло.

— О себе можешь не беспокоиться. Ты теперь под защитой ректора. Кто тронет Пустышку — тот тронет его собственность. А Зававра вар Торна боятся даже демоны из нижних миров.

— Утешил, — пробормотала я. — Собственность ректора. Звучит почти так же романтично, как цепь на шее.

Антар тихо засмеялся — негромко. Что-то в его голосе, в его манере держаться, в том, как он смотрел на меня, действовало на нервы. Или не на нервы. Я не хотела признаваться себе в том, что именно я чувствую, когда он рядом.

— Ты забавная, Катрина, — сказал он. — Совсем не похожа на прежнюю Пустышку. Завтра утром за тобой придут. Клеймение в десять.

Он вышел, оставив меня одну. Я легла на кровать, поджала колени к груди. Я была одна в чужом мире, в чужом теле, среди драконов, которые видели во мне только пустое место. Я закрыла глаза и попыталась заснуть, но сон не шёл. Вместо этого перед внутренним взором проносились обрывки чужих воспоминаний: смеющиеся лица адептов в чёрных мундирах и золотые глаза Антара, в которых не было ни капли сожаления. А потом — его голос сегодня: «Мне жаль, что всё так вышло». Почему-то мне хотелось верить.

Разбудил меня грубый толчок в плечо.

Я открыла глаза и увидела над собой лицо женщины, что давала мне зелёное питьё в лазарете. В сером свете раннего утра её лицо казалось вылепленным из воска: бледное, без единой морщины, с провалившимися глазами и бескровными губами.

— Вставай, Пустышка, — сказала она бесцветным голосом. — Ректор ждёт.

Я села на кровати, и голова закружилась. Во рту пересохло, в висках стучало.

— Дай воды, — попросила я.

Женщина протянула глиняную кружку. Вода была холодной, я выпила её залпом, не чувствуя вкуса.

— Ты должна понимать, — сказала женщина, пока я натягивала на себя рубашку. — Клеймо — это не наказание. Это защита. Без него любой дракон может высосать твою жизнь за несколько секунд. С ним — ты бесполезна для них. А бесполезных не убивают. Просто используют.

— Используют? — переспросила я, завязывая узел на поясе.

— Ты будешь мыть полы и подавать еду. Прислуживать ректору в его покоях. Никто не тронет тебя пальцем, потому что ты — его собственность. И радуйся, Пустышка. Других таких вышвыривают за ворота на съедение диким драконам. Тебе повезло.

Я посмотрела на неё в упор.

— То, что меня не убивают сразу — это везение?

— В твоём положении — да.

Она отвернулась и вышла из комнаты, не дожидаясь ответа. Я осталась стоять посреди каморки, и смотрела на дверь, за которой меня ждала новая жизнь. «Никто не тронет тебя пальцем, потому что ты — его собственность». Эти слова жгли не хуже любого клейма.

За мной пришли почти сразу. Процессия до церемониального зала заняла не больше пяти минут, но мне они показались вечностью. Я шла босиком по ледяным каменным пли-

там, а за мной, как тени, двигались двое в чёрной броне с золотыми нашивками. Мы остановились перед тяжёлой дверью из чёрного дерева. Один из сопровождающих толкнул дверь. Я вошла.

Зал был огромным. Пол покрывали светящиеся руны — синие, красные, золотые. В центре стоял алтарь — массивная плита с углублением в форме человеческого тела. Рядом с алтарём, скрестив руки на груди, ждал мужчина. Он был в мундире — чёрном, с нашивками на воротнике и рукавах. Чёрные длинные волосы, были зачёсаны назад, открывая высокий лоб и острые скулы. Он смотрел на меня, и в его глазах цвета расплавленной ртути не было ни жалости, ни гнева. Только спокойствие. Зававр, ректор — поняла я.

Зававр медленно обошёл алтарь и остановился напротив меня. Он был высок, и мне приходилось запрокидывать лицо, чтобы смотреть ему в глаза.

— Ты знаешь, зачем ты здесь? — спросил он.

— Чтобы получить клеймо. Чтобы стать вашей собственностью.

— Собственностью? — он повторил это слово так, будто пробовал его на вкус. — Кто тебе сказал эту глупость?

— Ваша служанка. И вообще все, кого я встретила в этой Академии.

Зававр помолчал несколько секунд, разглядывая меня с высоты своего роста.

— Ты не будешь моей собственностью, Пустышка. Ты бу-

десь моей ответственностью. Клеймо защищает тебя не от меня — от других драконов. Без него ты — кусок мяса на голодной кухне. С ним — ты неприкосновенна. Можешь мыть полы и подавать еду, но никто не посмеет тебя тронуть.

— А вы?

— Что — я?

— Вы посмеете меня тронуть?

Вопрос повис в воздухе, тяжёлый и опасный, как занесённый для удара топор.

Зававр смотрел на меня, и в его ледяных глазах что-то дрогнуло — тень эмоции, слишком быстрая, чтобы я успела её распознать.

— Я — ректор, Пустышка. Моя задача — защищать адептов этой Академии, даже таких, как ты. — Он отвернулся и жестом указал на алтарь. — Ложись. Это не больно.

— Вы врёте, — сказала я.

— Ложись, или я уложу тебя силой, — он скрестил руки на груди.

Я шагнула вперёд, забралась на алтарь и легла на живот.

— Умница, — сказал Зававр. — Закрой глаза. Это займёт несколько секунд.

Я закрыла глаза. И мир взорвался болью. Она пришла не снаружи — изнутри. Как будто кто-то разорвал мою плоть изнутри раскалённой иглой, прошёлся по позвоночнику, по пояснице, по рёбрам. Я закричала — не смогла сдержаться, и мой крик эхом разнёсся под сводами зала, отражаясь от стен.

— Терпи, — услышала я голос Зававра.

Я вцепилась пальцами в край алтаря и сжала зубы так сильно, что они заскрипели. Боль не утихала — она пульсировала, нарастала, стихала и нарастала снова, как приливная волна. Я чувствовала, как руны вжигаются в мою поясницу, оставляя на коже огненный узор, и думала о том, что, наверное, именно так чувствуют себя животные на бойне.

Боль ушла так же внезапно, как началась. Осталось только жжение.

Я открыла глаза. Надо мной стоял Зававр и смотрел на меня странным взглядом.

— Всё, — сказал он. — Можешь вставать.

Я попыталась сесть, но тело не слушалось — руки дрожали, я бы упала, если бы Зававр не подхватил меня за плечи. Его пальцы были холодными, но это прикосновение почему-то не вызвало у меня отвращения. Наоборот — я почувствовала, как жар внутри меня утихает, как страх отступает.

— Не падай, — сказал он, помогая мне спуститься с алтаря. — Я не хочу связываться с лекарем в такую рань. А теперь иди. Завтра в шесть утра ты начинаешь работу на кухне. Не опаздывай.

Я сделала шаг к выходу, но он остановил меня, положив руку на плечо.

— Пустьышка.

Я обернулась.

— Я не твой враг, — сказал он тихо. — Запомни это. В

этой Академии у тебя будет много врагов. Но я — не один из них.

Я посмотрела на его ледяные глаза, на губы, которые только что произнесли почти тёплые слова, и не нашла в себе сил ответить. Вместо этого я кивнула и вышла из зала.

Когда я наконец добралась до своей каморки, рухнула на кровать и закрыла глаза.

Дверь открылась без стука. На пороге стоял Зававр. В одной руке он держал чистую рубашку, в другой — глиняную миску с чем-то горячим, от чего пахло мясом и травами.

— Ты не ела со вчерашнего дня, — сказал он, ставя миску на табуретку. — И одежда у тебя грязная.

Я села на кровати и посмотрела на него с недоверием.

— Зачем вы это делаете? Вы могли бы послать служанку.

— Я мог бы, — согласился он. — Но служанка не чувствует твою магию.

Я замерла.

— Какую магию? У меня нет магии.

Зававр остановился в дверях и посмотрел на меня через плечо. В свете утренних лучей, пробивающихся сквозь зарешеченное окно, его лицо казалось высеченным из камня — прекрасным и безжизненным.

— Ты ошибаешься, Пустышка, — сказал он тихо. — У тебя есть магия. Очень сильная магия. Просто она не похожа на то, к чему мы привыкли. И именно поэтому ты опаснее любого мага в этой Академии.

Он вышел, прикрыв за собой дверь.

У меня есть магия? Но как же «Пустышка»? Как же «нет дара»?

Ответов не было. Только горячая похлёбка на табуретке, пахнувшая мясом и травами, и тёплая рубашка.

ГЛАВА 3

Катрина

После клеймения прошло несколько часов. Клеймо на пояснице пульсировало — не больно, а как будто в такт какому-то невидимому ритму, который я не могла уловить, но чувствовала всем телом. Чистая рубашка, которую принёс Зававр, пахла свежестью. Я прижала ткань к лицу и вдохнула, пытаюсь понять, почему он действует на меня так странно — успокаивает, но одновременно заставляет сердце биться чаще.

«Ты — моя ответственность», — сказал он. Не «собственность». Ответственность. Разница была тонкой, но я её уловила. Я закрыла глаза и попыталась представить, как выглядит этот мир снаружи. Высокие башни из серого камня, три солнца на небе, луга, уходящие к горизонту. Воспоминания прежней Катрины подсказывали, что Академия стоит на скале, а внизу, в долине, раскинулся город — Драконья Гавань, столица империи, где правят драконы, где каждый второй — маг, а каждый первый — потомок древнего рода. И я — Пустышка. Никто. Ноль. Пустота.

Я не знала, благодарна ли ей за это. С одной стороны — второй шанс. С другой — жизнь в теле девушки, которую презирают все, даже слуги. Я перевернулась на бок и свернулась калачиком, стараясь согреться. В камерке было холодно

— каменные стены не держали тепло, а окно, даже закрытое, пропускало ледяной ветер. Рубашка была тонкой, одеяло — дырявым, и я уже начала привыкать к мысли, что здесь, в этом мире, мёрзнуть — это нормально.

За дверью послышались шаги. А потом дверь открылась.

— Ты не спишь, — сказал Антар, входя в комнату без стука.

Он был в той же расстёгнутой белой рубашке, что и вчера, только теперь поверх был накинут чёрный плащ. Золотые волосы растрепались, падая на лоб, и в этом беспорядке было что-то почти интимное. Я села на кровати, поправила рубашку, которая сползла с плеча, и посмотрела на него в упор.

— У тебя есть привычка врывать в чужие комнаты ночью?

— А ты считаешь эту комнату своей? — Он обвёл взглядом каморку. — Здесь даже вещей твоих нет, Пустышка.

— Я не Пустышка. Я — Катрина.

— Катрина, — повторил он, и в его голосе зазвучали странные нотки. — Ты упрямая. Прежняя Катрина тоже была упрямой.

— Я не она.

— Я заметил.

Он подошёл ближе и сел на край моей кровати — так, что наши колени почти соприкоснулись. Я могла бы отодвинуться, могла бы встать, могла бы сказать ему уйти. Но я не сделала ничего из этого. Потому что в его золотых глазах не

было угрозы. Было одиночество. Такое же огромное как эта Академия, как этот мир, как моя новая жизнь.

— Зачем ты пришёл? — спросила я тихо.

— Хотел увидеть, как ты справляешься. — Он пожал плечами, делая вид, что это не важно. — Ректор сказал, что клеймение прошло тяжело. Ты кричала. Он не ожидал.

— А что он ожидал?

— Он ожидал, что ты будешь молчать. Как все.

Я усмехнулась. Кричать от боли — это не слабость. Это нормальная реакция нормального человека. Но здесь, в этом мире, видимо, всё иначе.

— А ты бы молчал? — спросила я.

— Я дракон. Мы не кричим.

— Даже когда больно?

— Даже когда больно, — ответил он. — Потому что, если дракон закричит, враги поймут, что он слаб. А слабых драконов убивают.

— Кто — враги?

— Все, кто не мы.

Мы замолчали

— Кто ты? — спросил Антар.

— Человек.

— Люди не попадают в другие миры просто так.

— А я не просто так. Меня сбила машина.

Антар наморщил лоб, пытаясь понять, что означает это слово.

— Телега? — переспросил он.

— Что-то вроде того. Только быстрее и железная.

Он кивнул.

— Твой мир странный, Катрина.

— Твой мир тоже, — ответила я. — Здесь летают драконы и называют девушек Пустышками за то, что у них нет магии.

— Это констатация факта. Ты — пустой сосуд. В тебе нет магии, но есть что-то другое. Ректор говорит, что ты опасна.

— Может, он просто вежливый?

— Зававр вар Торн? — Антар усмехнулся. — Вежливый? Он убил собственную жену за то, что она подняла на него руку.

Я замерла.

— Он убил... что?

— Его истинная пара ударила его кинжалом во сне. Хотела забрать его силу и передать врагам. Он проснулся, выпустил ледяной шип — и убил её. Случайно. Или нет. Никто не знает правды. С тех пор он не прикасается к женщинам.

Я смотрела на Антара и не могла вымолвить ни слова. Зававр — тот, кто принёс мне чистую рубашку и горячую похлёбку — убил свою жену? И теперь не прикасается к женщинам?

— Зачем ты мне это рассказываешь? — спросила я.

— Чтобы ты понимала, с кем имеешь дело. — Антар взял меня за руку — горячей ладонью. — Он не добрый. Он не защитник. Он — хищник, который временно притворяется

пастухом. Не доверяй ему, Катрина.

— А тебе доверять можно?

— Мне тем более. — Он сказал это так легко, так просто, будто речь шла о погоде за окном. — Я убил прежнюю Катрину. Я убивал и других. Я дракон, и моя природа — это огонь и смерть. Но я, по крайней мере, не притворяюсь кем-то другим.

Я посмотрела на его руку — она лежала поверх моей, большая, сильная, с длинными пальцами и короткими, аккуратно подстриженными ногтями. На безымянном пальце блестело золотое кольцо с печаткой — символ власти, знак наследника.

— Почему ты держишь мою руку, — спросила я.

— Я жду, когда ты отодвинешься.

— А если я не отодвинусь?

Он посмотрел мне в глаза, и в его золотых зрачках заплясали огоньки.

— Тогда я решу, что ты хочешь того же, чего хотят все женщины, которые ко мне приходят.

— И чего же они хотят?

— Власти. — Он наклонился ещё ближе, и его дыхание коснулось моей щеки. — Того, что может дать наследник императора.

— Я не хочу власти.

Антар отстранился. Совсем чуть-чуть.

— Тогда ты первая такая, — сказал он.

И поцеловал меня. Его губы были обжигающими, как кипяток. Его язык требовал ответа, и я отвечала, сама не понимая, что делаю. Мои руки вцепились в его рубашку, пальцы скрутили тонкую ткань, и я чувствовала, как под ней перекатываются мышцы.

Он прижал меня к спинке кровати — резко, почти грубо, и я ударилась затылком о нее, но не почувствовала боли. Только его руки на моей талии, только его бёдра, прижимающие меня к кровати, только его дыхание, смешанное с моим.

— Катрина, — прошептал он, отрываясь от моих губ, и его голос сел. — Черт возьми... ты пахнешь так, как не должна пахнуть Пустышка.

— Чем? — спросила я, сама не узнавая свой голос.

— Желанием.

Он поцеловал меня снова — в шею, туда, где рубашка сползла с плеча, обнажая бледную кожу. Клеймо на пояснице пульсировало быстрее, ещё быстрее.

— Остановись, — прошептала я, но мои руки тянули его ближе.

— Ты не хочешь, чтобы я останавливался, — ответил он, проводя языком по моей ключице. — Твоё тело говорит иначе.

— Моё тело — не я.

— А кто — ты?

— Та, кого назвали ненормальной, — выдохнула я. — Та, кто больше никогда не будет чьей-то игрушкой.

Антар замер.

Он поднял голову и посмотрел на меня сверху вниз — золотые глаза блестели в полумраке, как у дикого зверя. Его губы были припухшими от поцелуев, рубашка расстегнулась до пояса, открывая кубики пресса.

— Ты не игрушка, Катрина, — сказал он тихо. — Ты — ошибка природы. Та, кого не должно было существовать. И именно поэтому ты интереснее.

— Спасибо за комплимент, — ответила я с горечью. — Очень лестно.

Он усмехнулся и отстранился — убрал руки с моей талии, отодвинулся на край кровати.

— Ты умеешь остужать пыл, Пустышка. Это редкий дар.

— Дар? — я поправила рубашку, натянула её на плечо. — У меня нет дара.

Антар посмотрел на меня изучающим взглядом.

— Ректор говорит, что у тебя есть магия. Просто не такая, как у всех.

— Ректор ошибся, — покачала я головой.

— Ректор не может ошибаться. Он знает. — Антар встал, поправил воротник рубашки. — Берегись его, Катрина. Он опаснее, чем я.

— Уходи, — сказала я.

Антар кивнул, сделал шаг к двери — и замер.

Потому что в дверях стоял Зававр.

Я не знала, когда он подошёл. Просто в какой-то момент

он оказался на пороге, и его фигура заслонила свет.

— Ты в моём крыле, Антар, — сказал Зававр низким, ровным голосом. — В моей части Академии. В комнате моей Пустышки. Объяснись.

Антар не отступил. Он скрестил руки на груди и посмотрел на ректора с вызовом.

— Проведывал имущество. Ты же не против, дядя?

— Я против того, чтобы ты трогал моё имущество.

— А я не трогал. — Антар усмехнулся. — Я только разговаривал. Она отличается от местных дур.

Зававр перевёл взгляд на меня. Я сидела на кровати, прижимая колени к груди, и чувствовала, как клеймо на поясице горит всё сильнее.

— Ты в порядке? — спросил он.

— В полном, — ответила я.

— Уходи, Антар, — обратился ректор к наследнику. — Мы поговорим завтра.

— Не о чем нам разговаривать, дядя. Я ничего не нарушил. — Антар сделал шаг в сторону, обходя Зававра, но тот схватил его за локоть.

— Ты вошёл без спроса в комнату, которая принадлежит мне по праву ректора. Ты прикасался к моей подопечной. — Голос Зававра стал тише — и от этого страшнее. — Если ты думаешь, что титул наследника защищает тебя от наказания, ты ошибаешься.

— Наказывай, — Антар выдернул локоть. — Мне не при-

выкать.

Он вышел в коридор и исчез в темноте, не оглядываясь.

Зававр закрыл дверь. Я осталась с ним наедине — в крошечной каморке, где негде было спрятаться. Ректор повернулся ко мне.

— Что он тебе говорил? — спросил он.

— Спрашивал, как я себя чувствую. — Я решила не врать.

— Предупреждал, что вы опасны.

— Я опасен, — согласился Зававр. — Но не для тебя.

— А для кого?

— Для тех, кто посмеет тебя тронуть. — Он подошёл ближе — Я не позволю никому превращать тебя в куклу. Даже моему племяннику.

— А вы сами? — спросила я.

Зававр молчал несколько долгих секунд.

— Я не умею играть, — сказал он наконец. — Я умею только защищать и разрушать.

Он развернулся и направился к выходу, но у дверей остановился.

— Запри дверь, Катрина. — Он кивнул на засов, которого раньше не было — Я создал его. Снаружи никто не откроет, кроме тебя.

— А вы?

— Это моя магия. Если захочу, то да.

Он вышел, и я услышала, как его шаги удаляются вниз по коридору — тяжёлые, мерные, как удары колокола. Я подня-

лась с кровати, подошла к двери и задвинула засов. Внутри меня бушевал пожар. Я просидела около полу часа, когда в коридоре снова послышались шаги. Я замерла. Не такие как у Зававра и Антара. Какие-то другие — крадущиеся, осторожные.

— Пустышка, — прошептал кто-то. Голос был женским.

— Пустышка, ты там?

— Кто это? — спросила я.

— Ирма, служанка. Я принесла тебе мазь от ожогов. Ректор велел.

Я отодвинула засов, приоткрыла дверь. На пороге стояла девушка с пепельными волосами. В руках она держала глиняный горшочек.

— Он сказал, клеймо воспалилось, — сказала она, протягивая горшочек.

— Спасибо, — я взяла мазь. — Передайте ректору...

— Сама передашь, — оборвала меня Ирма. — Он велел прийти к нему в кабинет, когда намажешься. Сказал, разговор не окончен.

Она развернулась и ушла, оставив дверь открытой. Я стояла с горшочком в руках, смотрела в тёмный коридор. Идти к ректору? Сейчас? Ночью? Я намазала клеймо пахучей зелёной мазью, натянула рубашку и вышла в коридор. Навстречу дракону, который не умеет играть. Интересно, умеет ли он любить?

ГЛАВА 4

Зававр вар Торн

Я ждал её. Сидел неподвижно, и слушал, как потрескивают дрова в камине — тщетная попытка прислуги согреть мою комнату, которую я неизбежно охлаждал одним своим присутствием. Я давно научился не испытывать сильных эмоций. Превратил свою жизнь в череду однообразных дней: подъём, занятия, встречи, инспекции, отчёты, сон. Ничего лишнего. Ничего, что могло бы растопить лёд в моей груди. А вдруг появилась она.

Пустьшка. Катрина. Рыжая, зеленоглазая. Я увидел ее в лазарете. Она открыла глаза и посмотрела на меня так, будто я был не ректором-драконом, а просто мужчиной. Я привёл её в зал клеймения, и когда мои пальцы коснулись её кожи, я почувствовал тепло, которого не чувствовал двести лет, — опасное тепло, от которого мои ледяные пальцы начали теплеть. Я пришёл в её каморку ночью и застал у нее Антара. Моего племянника. Наследника императора. Мальчишку, который привык брать то, что хочет, не спрашивая разрешения — ни у отца, ни у богов, ни у меня, — потому что ему всё сходило с рук с самого детства.

Я не видел, что он делал в её комнате. Но когда я подошёл ближе, я почувствовал это. Жаркое мужское тело, которое только что было возбуждено, смешалось с её запахом, и от

этой смеси у меня внутри что-то оборвалось.

Я прогнал его. Сказал, чтобы шёл спать. Сказал, что мы поговорим завтра. Сказал всё, что положено говорить ректору провинившемуся адепту, хотя внутри клокотало совсем другое — то, что мои предки вкладывали в одно короткое слово: ревность. Она была Пустышкой — никому не нужной. Кроме меня. Почему — я не знал. Не мог объяснить. Может быть, потому что она смотрела на меня без страха, тогда как все остальные — адепты, преподаватели — боялись даже дышать в моём присутствии. Может быть, потому что она не пыталась мне понравиться — не улыбалась, не кокетничала, не заискивала, как делали все женщины, которые когда-либо попадали в мою спальню. А может быть, потому что её тело, вопреки всем законам природы, откликлось на меня. Я чувствовал это, когда касался её клейма, когда мои пальцы тонули в тепле её кожи, когда моя магия, вдруг ожила и потянулась к ней.

В дверь постучались.

— Войдите, — сказал я, и мой голос прозвучал ровно, как всегда, хотя внутри меня всё дрожало от напряжения, от ожидания, в котором я не мог себе признаться.

В свете свечи её фигура казалась призрачной — тонкая, почти прозрачная, с распущенными рыжими волосами, которые падали на плечи и мерцали медью в полумраке. На ней была та самая рубашка, которую я принёс ей — чистая, но уже успевшая помяться. Она остановилась у двери, не реша-

ясь подходить ближе

— Ирма сказала, вы меня хотите видеть, — произнесла она.

— Ирма не должна говорить, что я хочу, а что нет, — ответил я, поднимаясь из-за стола. — Ирма должна выполнять приказы.

— Тогда, может быть, вы скажете, зачем я здесь, ректор? Я уже нанесла мазь, как вы велели, и клеймо почти не болит. Я могла бы спать, но вместо этого я стою в вашем кабинете босиком на холодном полу.

Она была возмущена и это позабавило меня. Она без страха высказывала свое недовольство. Такое не позволял себе никто.

— Клеймо воспалилось, — сказал я, останавливаясь в трёх шагах от неё. — Я хочу на него посмотреть.

— Оно уже почти прошло. Мазь помогла.

— Мазь, которую дала тебе Ирма, предназначена для наружных ран, а не для магических ожогов. — Я сделал ещё шаг. — Ты можешь сжечь внутренние органы, если воспаление распространится глубже. Покажи.

Она вздохнула, и приподняла край рубашки, открывая поясницу. Клеймо было красным. Я подошёл ближе и опустился на корточки, чтобы рассмотреть его получше — узор, который я сам ввел в её кожу несколько часов назад, теперь пульсировал тёмно-багровым оттенком по краям. Воспаление было сильнее, чем я ожидал. Гораздо сильнее.

— Тебе больно? — спросил я.

— Терпимо, — ответила она.

Я поднял голову и посмотрел на неё.

— Он тебя целовал, — сказал я.

Она не ответила, и это молчание было громче любых слов.

Стены кабинета покрылись тонкой коркой льда, я услышал, как в камине треснуло полено, не выдержав перепада температур.

— Почему ты позволила? — спросил я.

Она медленно опустила рубашку, и посмотрела мне в глаза.

— Потому что я не знала, что делать, — сказала она честно. — Потому что, если бы я сказала «нет», он всё равно бы это сделал. Я слабая. Что я могу.

— Ты не слабая, — сказал я, и это было правдой. — Ты просто не знаешь своей силы.

— Моей силы? — она усмехнулась. — У меня нет силы, ректор. Я Пустышка. Ноль. Пустое место.

— Ты ошибаешься, — сказал я, поднимаясь на ноги. — Твоё тело — не пустое место. Оно — сосуд. И то, что в нём хранится, сильнее любой магии, которую я знаю.

Она посмотрела на меня с недоверием, и я понял, что она не верит мне.

— Покажи клеймо ещё раз, — сказал я. — Я не закончил.

Она снова отвернулась и приподняла рубашку, и в этот раз я не стал медлить. Я положил ладонь на её поясницу. Мои

пальцы начали выпускать тонкие струйки пара.

— Не дыши, — сказал я, проводя пальцами по краю клейма. — Я почти закончил.

— Я и не дышу, — ответила она, и я услышал, как её голос дрожит.

Я убрал руку. Всё. Проверка закончена. Воспаление неопасно, мазь работает, через два дня клеймо заживёт, и она сможет забыть о нём до тех пор, пока какой-нибудь дракон не решит проверить, правда ли она Пустышка.

Я мог бы отпустить её сейчас. Сказать, что всё в порядке, посоветовать ещё раз нанести мазь перед сном и отправить в её холодную каморку, где она свернётся калачиком на жёсткой койке. Но я не сделал этого. Потому что в тот момент, когда мои пальцы коснулись её клейма, я почувствовал отклик.

Её тело ответило мне. Её пульс участился — я чувствовал это подушечками пальцев, как бьётся горячая кровь под тонкой кожей. Её дыхание сбилось, и она прикусила губу, чтобы не издать ни звука. И на её коже, там, где я провёл пальцами, выступили мурашки — верный признак того, что она чувствует то же, что и я, даже если не хочет себе в этом признаваться.

— Повернись, — сказал я, и мой голос прозвучал как приказ, потому что я больше не мог контролировать ту его часть, которая отвечала за вежливость и приличия.

Она повернулась. Её лицо было бледным, глаза — огром-

ными, губы — приоткрытыми.

— Ты пахнешь им, — сказал я.

— Кем? — спросила она.

— Антаром, — прошипел я. — Ты пахнешь его желанием, его губами на твоей шее. Я чувствую это даже сейчас, хотя прошло время.

— Вы ревнуете? — спросила она.

— Я не умею ревновать, Пустышка, — ответил я, хотя это была ложь. Я ревновал так, что у меня темнело в глазах. — Но не знаю, что сделаю, если он снова посмеет прикоснуться к тебе.

— Вы ничего не сделаете, — заметил она.. — Потому что он — наследник, а вы — ректор. Вы подчиняетесь ему, а не он вам.

— Ты ошибаешься. — Я взял её за подбородок, заставляя смотреть мне в глаза, и почувствовал, как её кожа горит под моими пальцами. — В этой Академии я подчиняюсь только императору. А Антар — не император. Пока нет. И я предупреждаю тебя. — Я провёл большим пальцем по её нижней губе, чувствуя, как она дрожит от этого. — Если ты позволишь ему прикоснуться к тебе снова, я сделаю это.

— Что вы сделаете? — спросила она.

— Тоже, что и сейчас. Я сотру его запах с твоей кожи.

Я поцеловал её. Она замерла, не отвечая на поцелуй. Она просто стояла. И эта покорность, остановила меня. Я отстранился.

Она смотрела на меня с пустым взглядом, и я понял, что сделал что-то непоправимое.

— Катрина, — позвал я по имени, и это сработало. Она подняла глаза. — Я не хотел напугать тебя.

— Вы не напугали меня.

— Тогда почему ты не оттолкнула меня?

— Потому что я не знаю, должна ли я вас отталкивать. — Она провела рукой по губам, стирая мои поцелуи, и этот жест был хуже любой пощёчины. — Может быть, это нормально — когда ректор целует Пустышку в своём кабинете ночью. Может быть, вы имеете на это право. Я не знаю ваших законов. Я вообще ничего не знаю об этом мире.

— Никто не имеет права целовать тебя без твоего согласия. Даже я.

— Тогда зачем вы это сделали?

— Потому что я не смог сдержаться. — Я провёл рукой по лицу, чувствуя, как ледяные кристаллы на пальцах царапают кожу. — Твой запах... он сводит меня с ума. Он делает со мной то, чего не делала ни одна женщина за последние двести лет. И когда я почувствовал на тебе запах Антара, я потерял контроль.

Она так и не посмотрела на меня.

— Иди спать, Пустышка, — сказал я. — Уже поздно. Завтра у тебя будет тяжёлый день.

Она кивнула и направилась к двери. Я смотрел на её босые ступни.

— Катрина, — позвал я, когда она уже взялась за ручку двери.

Она обернулась.

— Если Антар снова придёт к тебе... если ты не хочешь его видеть... позови меня. Я прогоню его.

— А если я захочу его видеть? — спросила она.

Я молчал несколько секунд, чувствуя, как ледяные кристаллы снова прорастают на моих пальцах.

— Тогда я ничего не буду делать, — сказал я. — Потому что твоё желание важно для меня.

Она посмотрела на меня долгим взглядом, потом открыла дверь и вышла в коридор. Моё тело кричало, чтобы я встал, пошёл за ней, выломал дверь и увёл к себе в спальню.

Если Антар посмеет её тронуть, я убью его. Даже если он — мой племянник, единственный ребёнок моей погибшей сестры, последняя ниточка, связывающая меня с семьёй. Даже если я снова потеряю всё, что имею. Потому что она — Пустышка, никчёмная, пустая, никому не нужная — стала единственным, что я не готов отдать. Никому.

Глава 5

Антар

Я просидел в своей комнате несколько часов, но легче не стало.

Сначала я пытался убедить себя, что всё в порядке. Что я — наследник императора, что вокруг меня сотни женщин, которые будут рады оказаться на её месте, что эта Пустышка не стоит того, чтобы я ломал себе голову. Я повторял это снова и снова, как заклинание, надеясь, что когда-нибудь поверю в эти слова.

Но я не верил.

Моё тело не верило. Моя магия не верила. Моё сердце, которое я считал давно окаменевшим, вдруг ожило и начало биться так, как не билось последние сто лет — гулко, тяжело, сбивчиво, как будто пыталось вырваться из груди и полететь туда, в кухонное крыло, где в маленькой каморке на жёсткой койке лежала она.

С тех пор прошло несколько часов, но я всё ещё чувствовал вкус её губ на своих губах. Я встал и прошёлся по комнате. Моя магия пульсировала под кожей тягучим жаром, не похожим на привычное пламя — она не вырывалась наружу золотыми искрами, не требовала выхода, а просто горела внутри, как тихий костёр, который не видно, но который

чувствуешь каждой клеткой.

Я выпил стакан воды — не помогло. Открыл окно, впуская ночной холод, — но он не остужал. Я сбросил рубашку, оставшись в одних брюках, — но и это не принесло облегчения. «Что она со мной сделала?» — думал я, глядя на своё отражение в тёмном стекле. — «Что в ней такого, что я не могу дышать спокойно?»

Я пытался найти ответ в своей памяти. Всю жизнь женщины сами приходили ко мне. Они улыбались, обнажались, делали всё возможное, чтобы я их заметил. А она смотрела на меня так, будто я был не наследником императора, а просто мужчиной, который мешает ей спать.

Я хотел её. Я хотел её так, как не хотел ни одну женщину за всю свою жизнь. Как мужчина. Я хотел чувствовать её, слышать её голос, шепчущий моё имя, видеть её глаза, полные желания. И я не мог больше сидеть на месте.

Я натянул рубашку и вышел в коридор. Ноги сами понесли меня в ее крыло. Коридоры Академии были пусты в этот поздний час. В конце коридора горел одинокий факел. Его свет падал на дверь её комнаты и на неё саму. Катрина стояла у порога. Она была босиком, рубашка вверху расстегнулась, открывая ключицы и бледную кожу. Волосы растрепались,

ны, лицо бледное, под глазами тени.

Она замерла на мгновение и наблюдала, как я приближаюсь.

— Антар, — сказала она. — Зачем пришёл?

Я смотрел на неё и не знал, что ответить. Зачем? Я сам не понимал. Может быть, чтобы убедиться, что она в порядке. Может быть, чтобы просто увидеть её.

Она пожала плечами и открыла дверь.

— Заходи. Раз пришел.

Мы вошли. Катрина села на кровать, я остался стоять рядом и сразу почувствовал, что её запах смешался с чужим. Запахом дяди.

- Ты была у ректора?

— Да, — ответила она. — Он вызывал меня. Проверять клеймо.

— И всё?

— И всё.

- Не ври. – я сделал еще шаг к ней. – Вы целовались. Я чувствую его запах на тебе.

Она кивнула. Я почувствовал, как внутри закипает ярость. Я хотел разнести эту комнату в щепки. Я хотел найти дядю и ударить, уничтожить его.

- Я хочу тебя, — слова вырвались сами, без разрешения. — Я хочу целовать тебя. Трогать. Прижимать к себе. Я хочу слышать твой голос, твой стон. Я хочу, чтобы ты забыла про других мужчин. И его — тоже. Я пришёл сюда, потому что не могу без тебя. Я не уйду, пока не почувствую твой вкус. Пока не увижу, как твои глаза закрываются от удовольствия.

— А если я не хочу? — прошептала она.

— Хочешь, — сказал я. — Я чувствую это.

Я притянул её к себе и поцеловал. Её губы были сухими и горячими. Я целовал их, покусывал, чувствуя, как она дрожит.

— Катрина, — прошептал я, отрываясь от её губ.

Она открыла глаза. Затуманенные. Желаящие. Я продолжил целовать её. Моя рука скользнула под рубашку — на живот, на талию, выше. Расстегнул оставшиеся пуговицы открывая ее грудь — небольшую, круглую и упругую, с острыми сосками, сжавшимися от желания. Я накрыл одну ладонью, сосок уперся в центр. Я сжал его. Она выгнулась, и из её горла вырвался звук. Тогда я наклонился и взял сосок в рот. Провёл языком. Она вздрогнула и её пальцы вцепились в мои волосы.

Я целовал её грудь — одну, потом другую. Я опустил руку ниже, к низу живота. Она замерла. Между её ног было влажно и горячо. Я провёл пальцами по складкам, нашёл бугорок, набухший и пульсирующий. Провёл по нему подушечкой пальца. Она вскрикнула. Я нажал сильнее. Потёр круговыми движениями. Она пульсировала под моим пальцем, её дыхание становилось всё чаще, бедра двигались в такт. Ввёл в неё палец. Добавил второй. Задвигал ими внутри. Она сжалась вокруг них — горячая, тугая. Я чувствовал, как она становится всё более влажной. Её стоны стали громче. Моё тело горело. Член болезненно напрягся. Я расстегнул брюки, освобождая его. Обхватил его свободной рукой, не прекращая ласкать ее промежность и начал двигать. Я чувствовал, как все закипает, как тело требует разрядки. Когда она задрожала, пульсируя вокруг моих пальцев, трепеща от оргазма, я последовал за ней. Наши стоны соединились, мы растворились в едином, тягучем, бесконечном мгновении.

Я открыл глаза. Она смотрела на меня затуманенным взглядом. Я убрал руку от неё. Облизал их. Её вкус был сладким. Лёг рядом. Притянул её к себе. Она уткнулась носом мне в грудь и замерла. Её дыхание постепенно выравнивалось. Её тело расслаблялось. Я гладил её по спине, чувствуя, как моя магия успокаивается, как огонь внутри утихает, сменяясь чем-то похожим на счастье. Она была моей. И я не собирался никому ее отдавать.

Глава 6

Катрина

Я открыла глаза и увидела его на пороге. Зававр стоял, прислонившись плечом к косяку, и смотрел на нас. На Антара, который спал рядом, обнимая меня за талию.

Я не могла дышать, от холода, который заполнил комнату. Он сковал лёгкие и прижал меня к кровати, не позволяя пошевелиться. Я хотела отодвинуться от Антара, но тело не слушалось. Я хотела сказать хоть что-то, но язык прилип к нёбу. Единственное, что я могла делать — смотреть в ответ на этот безмолвный, всепоглощающий взгляд.

Антар проснулся через несколько секунд. Он сел на койке, не глядя на меня, и его рука ушла с моего живота. Мне стало ещё холоднее.

— Дядя, — сказал Антар

— Выйди, — ответил Зававр. Это был приказ.

Антар не шевельнулся. Они смотрели друг на друга и воздух между ними трещал от напряжения. Я замерла, вжавшись в стену и натянув одеяло до подбородка, чувствуя себя маленькой и ничтожной. Я была вещью, которую они делили, даже не спросив, согласна ли я быть поделённой. Зававр сделал ещё шаг. Его пальцы коснулись моей щиколотки, и я вздрогнула от холода, пронзившего меня до костей.

— Ты напугал её, — сказал Антар.

— Она должна бояться, — ответил Зававр. — Она спит в одной постели с наследником императора, который убил её предшественницу. Страх — это единственное разумное, что она может чувствовать.

— Она сама шагнула под молнию, — сказал Антар, и в его голосе прозвучала горечь.

— Она плюнула тебе в лицо, и ты ударил её. Это называется убийство, Антар. Не важно, как. Важно, что ты это сделал.

Антар замолчал, и я увидела, как его челюсть сжалась, как на кончиках пальцев заискрила магия. Зававр повернулся ко мне.

— Вставай, Пустышка, — сказал он. — Ты переезжаешь. Я не спросила куда и не спросила зачем. Я просто кивнула и начала выбираться из-под одеяла, стараясь не смотреть на Антара. Мои руки дрожали так сильно, что я не могла застегнуть пуговицы на рубашке. Антар заметил это и подвинулся ближе, но Зававр остановил его взглядом.

— Не прикасайся к ней сейчас, — сказал он. — Ты сделал достаточно.

— Я не сделал ничего, о чём она просила бы не делать, — ответил Антар.

— Она не умеет просить, — сказал Зававр. — Она не умеет отказывать. Она не умеет говорить «нет». И ты пользуешься этим.

— Я не пользуюсь.

— Ты ночевал в её постели. Ты прикасался к ней. Ты — наследник императора, а она — Пустышка. Как это ещё назвать?

Антар не ответил.

— Катрина, — сказал он тихо. — Ты хочешь, чтобы я ушёл?

Я посмотрела на него — на его золотые глаза, которые ещё несколько часов назад смотрели на меня с желанием, на его руки, которые гладили мою спину, мои бёдра, мою грудь. Я хотела сказать «нет, останься», но вместо этого опустила глаза. Потому что если бы я сказала «останься», Зававр бы меня, возможно, убил. А если бы я сказала «уйди», Антар бы обиделся. Я была Пустышкой, и мои слова ничего не значили.

— Она молчит, — сказал Зававр. — Это ответ.

— Это страх, — ответил Антар. — Ты её напугал.

— Это правильная реакция. — Зававр взял меня за локоть и поднял с койки. — Она переезжает в мои апартаменты. Если захочешь её видеть — будешь приходить только с моего разрешения.

— Она — не твоя собственность, — сказал Антар, вставая с постели.

— Она — моя подопечная. Пока клеймо на её коже — она моя. Это закон.

Они стояли так близко, что я чувствовала жар от одного и холод от другого. Между ними была я — дрожащая, кутаясь

в рубашку.

Зававр потянул меня к выходу.

— Катрина! — крикнул Антар.

Я обернулась. Он был прекрасен в своей ярости и абсолютно беспомощен.

— Я вернусь за тобой, — сказал он. — Обещаю.

Я хотела ответить, но Зававр дёрнул меня за локоть, и я вышла в коридор. Мы шли по широким коридорам академии и магическими светильниками загорались сами при нашем приближении. Мои босые ступни ступали по тёплому камню — здесь пол подогревался магией, и это было так непривычно после холодных плит коморки.

Зававр не оборачивался. Он шёл впереди. Он не держал меня за руку, я шла сама. Если бы я остановилась, чтобы это изменило? В этом мире у меня не было ни силы, ни защиты, ни единого человека, который встал бы на мою сторону. Он открыл дверь в конце коридора и жестом пригласил меня войти.

Огромная спальня с кроватью из чёрного дерева, застеленная шёлком, тяжёлые шторы на высоких окнах и камин, в котором горел огонь. Рядом с главной спальней находилась маленькая комнатка — не больше моей каморки, но здесь была нормальная кровать с чистым бельём, тумбочка с кувшином воды и даже небольшое окно, выходящее во внутренний двор.

— Здесь будешь спать ты, — сказал Зававр, указывая на

маленькую комнату.

Я вошла, села на кровать и посмотрела на него.

— Зачем я здесь? — спросила я.

— Твоё клеймо не работает, — ответил Зававр. — Ты нуждаешься в драконьей энергии. Без неё ты умрёшь.

— И вы будете мне ее давать?

— Да.

— Как?

— Прикосновениями. Поцелуями. — Он помолчал. — Если понадобится — близостью.

— Вы не даёте мне выбор?

— Я даю тебе жизнь, — ответил он. — Выбор — это привилегия сильных. Ты не сильная, Пустышка. Ты — пустота. Ты здесь случайно, по ошибке, и если я не спасу Утром к тебе будет приходиться Антар, — продолжил Зававр. — На подпитку. Вечером - я. Лёд. Нельзя пропускать сеансы, иначе последствия будут необратимыми.

— А если я не хочу так?

- А кто у тебя спрашивает? – усмехнулся ректор.

Он развернулся и вышел, оставив дверь открытой. Я легла на кровать, свернулась калачиком и закрыла глаза. Спать не хотелось. Хотелось исчезнуть. Но моё тело — чужое — хотело жить и заставляло меня терпеть.

Через некоторое время пришел Антар. Он закрыл за собой дверь.

— Ты как? — спросил Антар.

— Жива, — ответила я.

Он подошёл к кровати и сел на край, не прикасаясь. Просто сидел и смотрел на меня.

— Я не знал, что Зававр придёт, — сказал он. — Думал он не узнает.

- Но он узнал... Он сказал, что ты будешь приходить по утрам, — сказала я.

— Да. Он сообщил, что твоя защитная печать не работает.

— И что это будет?

— Поцелуи, — ответил он. — Прикосновения. Секс. Всё, что передаёт магическую энергию.

Я посмотрела на него.

— А если я не позволю?

Он посмотрел мне в глаза.

— Тогда ты умрёшь, — сказал он. — А я не хочу, чтобы ты умирала.

— Но я не хочу быть бессловесной вещью.

— Ты не вещь.

— А кто? Я — Пустышка. Я — сосуд для вашей магии.

Что во мне есть такого, что вы оба не хотите от меня отстать?

Антар молчал несколько секунд, а потом сказал:

— Я не знаю. Но хочу это узнать.

Он наклонился и поцеловал меня в губы — легко, почти невесомо. Я почувствовала, как тепло разливается по лицу, по шее, по груди. Клеймо на поясице запульсировало.

— Это была подпитка? — спросила я.

— Нет, — ответил он. — Это я просто прощаюсь до завтра.

Он встал и направился к выходу.

— Антар, — позвала я.

Он обернулся.

— Спасибо, — сказала я. — Что пришёл.

Он усмехнулся — невесело.

— Я буду приходить, — произнес Антар. — Даже если он запретит. Потому что я этого хочу.

Я была между ними- женщина, у которой нет выбора. Или есть?

Вечером появился Зававр.

— Не кричи, — сказал Зававр. — Это я.

— Зачем вы здесь? — прошептала я.

— Антар дал тебе слишком много жара. Твоё тело перегрелось.

Он сел на край кровати, его холодная рука легла на мою щиколотку.

— Не трогайте меня, — сказала я.

— Я должен уравновесить температуру, — ответил он. — Иначе ты сгоришь изнутри. Я не сделаю тебе больно.

— Вы уже сделали, — возразила я. — Вы решаете за меня, когда мне жить, а когда умирать.

— Я спасаю тебе жизнь.

Зававр встал и вышел, не попрощавшись. Я осталась лежать в темноте, чувствуя на щиколотке след от его ледя-

ных пальцев. А когда первые лучи солнца коснулись штор, я услышала в коридоре шаги. Антар.

ГЛАВА 7

Антар

Я пришел утром. Катрина уже не спала. Я остановился в дверях и несколько секунд просто наблюдал, как розовеющее небо окрашивает её профиль в золотисто-медовые тона, делая кожу почти прозрачной, а волосы — жидкой медью, стекающей по плечам. Она не обернулась, когда я закрыл за собой дверь, и не вздрогнула, когда засов щёлкнул, отрезая нас от остального мира. В её неподвижности было что-то пугающее — не спокойствие, а скорее принятие неизбежного, та смиренная покорность, которая хуже любого сопротивления, потому что означает, что человек уже сдался.

— Ты не спишь, — сказал я, хотя это было очевидно.

— Не сплю, — ответила она. — Я ждала, что ты придешь.

Я подошёл к кровати, остановился рядом, глядя на неё сверху вниз, и почувствовал, как внутри закипает злость. На дядю, который загнал её в угол. На себя, который не смог этому помешать. На этот мир с его дурацкими законами, где Пустышка не имеет права голоса, а наследник императора не имеет права защищать ту, кого хочет, если эта защита идёт вразрез с волей покровителя.

— Зававр сказал, что подпитку нельзя пропускать, — сказал я.

— Знаю, — ответила она просто.

Я ощутил, как напряжение растекается по телу — от груди к животу и ниже, туда, где уже поднималось желание. Моя магия гудела под кожей, разогревая кровь, от того, как сильно я её хотел. Но я не хотел торопиться.

— Повернись на живот, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало от нетерпения.

Она помедлила лишь секунду, затем перевернулась на живот, уткнулась лицом в подушку, и её волосы рассыпались по спине рыжим водопадом, закрывая половину кровати. Я поднял рубашку, открывая поясицу — там где стояло клеймо - пульсирующее голубоватым светом. Руны двигались, перетекали одна в другую, создавая завораживающий узор, и который медленно убивал её. Ей нужен был огонь. Ей нужен был я.

Я положил ладонь на её поясицу — поверх клейма, чувствуя, как руны отзываются на моё тепло, как меняют цвет с голубого на золотистый. Провёл ладонью вверх — по позвоночнику, до самой шеи, потом обратно — вниз, к ягодицам, куда я хотел проникнуть больше всего на свете. Она выдохнула.

— Не бойся, — я говорил это скорее для себя, чтобы напомнить себе, что я здесь не для того, чтобы брать, а для того, чтобы давать.

— Я не боюсь, — ответила она в подушку.

Я убрал руку и сел удобнее, освобождая себе пространство, потому что то, что я собирался делать дальше, требо-

вало свободы движений. А потом наклонился и поцеловал её поясницу — туда, где клеймо встречалось с чистой кожей, на этой границе, которая была и её проклятием, и её спасением. Она вздрогнула, и я почувствовал, как под моими губами напряглись мышцы. Я провёл языком по краю клейма — снизу вверх, медленно, чувствуя, как руны нагреваются от моего прикосновения.

Я целовал её спину — от поясницы вверх, к лопаткам, от лопаток вниз, к ягодицам, где начиналось самое интересное. Она лежала неподвижно, но я чувствовал, как дыхание становится глубже, как мышцы расслабляются под моими губами. Когда я касался её, она переставала быть Пустышкой и становилась просто женщиной, которая хочет, чтобы её любили.

Я спустился ниже, к ягодицам, и замер на мгновение, любясь ими. Они были упругими, округлыми. Когда я провёл по ним ладонью, она выгнулась — совсем чуть-чуть, почти незаметно, но достаточно, чтобы я понял: ей нравится. И от этого осознания у меня перехватило дыхание. Я сжал ее ягодицы, и она застонала — тихо, сдавленно, как будто звук вырвался против её воли и теперь она ненавидела себя за эту слабость. Проник пальцем между ними — скользя сверху вниз, по ложбинке, по тому месту, куда я хотел проникнуть больше всего. Она вздрогнула и замерла, словно ожидая удара. Я провёл ещё раз — медленно, чувствуя, как её кожа покрывается мурашками от прикосновения, как она напряга-

ется в предвкушении, как задерживает дыхание.

— Расслабься, — сказал я, хотя сам был далек от спокойствия — моё тело горело, естество давило на брюки, и я едва сдерживался, чтобы не раздеться, не лечь на неё, не войти в неё прямо сейчас.

Она выдохнула, бёдра слегка раздвинулись. Я наклонился и поцеловал её ягодицы. Провёл языком сверху вниз, чувствуя, как она дрожит. Её дыхание стало прерывистым, оно отдавалось во мне пульсацией.

Я раздвинул её бёдра шире, и она не сопротивлялась. Лежала, повернув голову на бок, и я увидел, как краска удовольствия разлилась по ее щеке. Направил руку между её ног — через ягодицы, к промежности, туда, где было влажно и горячо. Нашёл пальцем вход — скользкий, тугой, сжимающийся от каждого моего прикосновения — ввёл его внутрь, наслаждаясь тем, как её тело принимает меня.

Я задвигал пальцем внутри неё. Она застонала в такт моим движениям, и эти стоны были музыкой, ради которой я продал бы душу. Тогда я добавил еще палец.

— Не сдерживайся, — сказал я, и она не ответила — только застонала громче, откровеннее.

Я двигал пальцами внутри неё — чувствуя, как она становится всё более влажной, как её тело нагревается под моими руками, как её стоны становятся громче, как она забывает всё, кроме того, что я делаю с её телом.

Другой рукой я обхватил её бедро, приподнял, открывая

доступ к самому сокровенному, и поцеловал её поясницу, туда, где пульсировало клеймо, провёл языком по рунам, чувствуя, как они плавятся под моим жаром. Она закричала — негромко, но я почувствовал, как её мышцы сжались вокруг моих пальцев с такой силой, что я испугался, что она сломает их. Я ускорился. Ещё быстрее. Ещё глубже. И она кончила — с громким, отчаянным стоном, который задушила подушкой, вцепившись в неё зубами. Её бёдра задрожали мелкой дрожью, пульсация отдавалась в моих пальцах, стенки сжимались вокруг них.

Когда спазмы прекратились, и она обмякла, я убрал руку. Моё собственное тело горело от неудовлетворённого желания. Плоть болела, давила на брюки, и я знал, что если сейчас же не выйду, то сделаю что-то, о чём пожалею. Она была прекрасна в своей беззащитности.

— Это была подпитка, — я ненавидел себя за то, что свою всё к дурацкой формальности. — Теперь ты продержишься до вечера.

Она, повернувшись на бок, открыла глаза — затуманенные поволокой.

— Антар, — прошептала она.

— Что? — спросил я, хотя должен был встать и уйти.

— Спасибо, — сказала она, и это простое слово прозвучало как самое сложное признание, которое она могла сделать.

Я не ответил. Встал, поправил рубашку — моё возбуждение пульсировало. Направился к выходу, чувствуя, как каж-

дый шаг отдаётся болью в паху, как тело кричит о разрядке, которой я не дал ему.

— Антар, — снова позвала она.

Я обернулся.

— Ты не хочешь... — она запнулась, подбирая слова, и я видел, как ей трудно их произносить. — Ты не сделал ничего для себя.

— Сделал, — ответил я. — Я смотрел на тебя.

Я вышел и закрыл за собой дверь. Прислонился спиной к стене и закрыл глаза. Плоть пульсировала, требуя выхода. Я расстегнул брюки, освобождая напряжённый ствол. Он был твёрдым, горячим, почти болезненно напряжённым. Я обхватил его рукой и начал двигать. Перед глазами стояла она — её спина, изогнутая дугой в момент оргазма. Её бёдра, раздвинутые для меня. Её пальцы, вцепившиеся в подушку. Её стоны, приглушённые тканью. Её запах, который остался на моих пальцах.

Я кончил, закусив губу, чтобы не закричать, и стоял так несколько секунд, тяжело дыша, чувствуя, как последние спазмы пробегают по телу, как естество становится мягче, освобождаясь от напряжения, которое мучило меня всё это время. Потом я привёл себя в порядок — вытер пальцы о платок, застегнул брюки.

Я знал, что вечером он придёт к ней. Зававр. Будет делать с ней то, что хотел сделать я, — и, возможно, даже больше. Но сейчас — в эту минуту, пока её кожа ещё хранила теп-

ло моих губ, пока клеймо на её пояснице ещё светилося золотым, пока она лежала в кровати и думала обо мне — она была моей. И этого никто не мог у меня отнять.

ГЛАВА 8

Зававр

Я вошёл без стука. За этим ритуалом вообще не осталось смысла в какой-либо вежливости или предупреждении: она ждала меня, даже если не хотела себе в этом признаваться, даже если внутри неё ещё тлел жар, оставленный Антаром. Я чувствовал его. Это бесило сильнее, чем я готов был себе признаться, но за многие годы жизни я научился не показывать того, что происходит внутри. Моё лицо оставалось непроницаемым.

Последние лучи солнца умирали. Её волосы отбрасывали рыжие отсветы на бледную кожу плеч, и в полумраке она казалась призраком. Она не обернулась, когда я закрыл дверь, и не вздрогнула, когда засов щёлкнул, отрезая её от остальной Академии. Её голос нарушил тишину.

— Вы рано, — сказала она.

— Я пришел вовремя, — ответил я, и это была ложь.

На самом деле я действительно пришёл раньше, потому что не мог больше ждать. Весь день я думал о ней. Я знал всё. Каждый её вздох, каждую вспышку удовольствия или боли — всё это отдавалось во мне через клеймо, с той же силой, как если бы я сам был на месте Антара. Клеймо не различало, кто к ней прикасается — оно просто передавало её ощущения, не спрашивая моего разрешения и не заботясь о том,

хочу ли я их чувствовать. И сегодня, когда Антар ласкал её, когда она кончала под его пальцами, я все чувствовал.

Она повернулась ко мне, и в её глазах я не увидел ни страха, ни ненависти. Там была только усталость и какая-то обречённость, которая злила меня больше, чем если бы она умоляла о пощаде. Мы оба знали, что будет. Моя подпитка — это холод, а не жар, это контроль, а не страсть, это терпение, а не спешка.

Я подошёл ближе, сокращая расстояние между нами, и остановился в шаге от кровати — достаточно близко, чтобы чувствовать тепло её тела. Она подняла голову. Наши глаза встретились.

— Вы всегда так смотрите, — сказала она, и в её голосе проскользнули нотки чего-то, что можно было принять за насмешку. — Как будто я — ошибка, которую нужно исправить.

— Ошибки не исправляют, — ответил я. — Их уничтожают. Ты ещё жива, а значит, ты не ошибка. По крайней мере, пока.

Я встал так, чтобы видеть её лицо полностью, без полутонов и теней. Протянул руку и коснулся её подбородка, заставляя поднять голову. Мои пальцы были холодными — коснувшись горячей кожи, они оставили на ней едва заметные белые следы, как иней на осенней траве

— Сегодня ты не будешь терпеть, — сообщил я. — Сегодня ты будешь чувствовать.

— Я и так чувствую, — ответила она, и в её голосе впервые за весь вечер проскользнули нотки раздражения.

— Нет, — возразил я и провёл большим пальцем по её нижней губе. — Ты терпишь. Ты терпишь меня, терпишь Антара, терпишь это клеймо, терпишь свою новую жизнь. Есть огромная разница между тем, чтобы терпеть, и тем, чтобы чувствовать. И сегодня я собираюсь тебе эту разницу показать.

Я убрал руку и обошел кровать, оказавшись у неё за спиной. Она сидела, выпрямив спину, с руками, неподвижно лежащими на коленях, и ждала. Я положил ладони ей на плечи. Она вздохнула — глубоко, прерывисто, — но не шелохнулась, позволяя моим рукам лежать там, где они легли.

Я провёл ладонями вниз — по лопаткам, которые напряглись под моими пальцами, как крылья готовой взлететь птицы, — по позвоночнику, до самой поясницы, туда, где началась область клейма. Её кожа под моими пальцами была горячей. Я остановился там, где начинались руны, и почувствовал, как они отзываются на моё приближение. Клеймо засветилось голубоватым огнем.

— Он трогал тебя здесь? — спросил я, хотя ответ знал. Клеймо передавало мне каждое прикосновение Антара, каждое движение его пальцев, каждый вздох, который она издавала под его руками. Я спрашивал не для того, чтобы получить информацию, а для того, чтобы услышать, как она произносит это вслух.

— Да, — ответила она.

— И здесь? — Я провёл пальцами по её ягодицам, чувствуя, как мышцы напряглись под моей рукой.

— Да, — снова ответила она.

— А здесь? — Я коснулся ложбинки между ними, и мои пальцы замерли на границе, за которую я не переступал с ней.

Она замерла, и в этой заминке, в этом молчании, которое длилось всего несколько секунд, я прочитал больше, чем в любом ответе. Она не знала, что сказать. Потому что он не трогал её там — или трогал, но она не хотела в этом признаться даже самой себе, не то что мне.

Я убрал руки и отошёл от кровати, делая несколько шагов назад, к стене, где висело зеркало в тяжёлой деревянной раме. Она обернулась, и в её глазах мелькнуло недоумение — она не понимала, почему я остановился, почему не продолжил, почему ушёл, когда только начал. Я не стал объяснять. Вместо этого я взял зеркало за край и сдвинул его так, чтобы оно отражало кровать — всю целиком, вместе с ней, сидящей на краю, голой, растерянной, прекрасной.

— Смотри, — сказал я, возвращаясь к ней.

Собственное отражение испугало ее. Она не узнавала себя. Или, может быть, узнавала — но боялась этого узнавания.

— Ты боишься не меня, — сказал я, садясь на кровать позади неё. — Ты боишься себя. Того, что ты чувствуешь.

Я притянул её к себе, и она откинулась на мою грудь без

сопротивления, как будто только и ждала этого момента, чтобы перестать контролировать каждое движение. Её затылок коснулся моего плеча, и в этом прикосновении было что-то интимное как будто мы были не врагами и не жертвой с палачом, а двумя уставшими людьми, которые нашли друг у друга минуту покоя.

— Смотри в зеркало, — приказал я почти шёпотом. — Не закрывай глаза, что бы ты ни чувствовала.

Я провёл ладонями по её животу — от талии вверх, к груди, и мои пальцы оставляли на её горячей коже холодные дорожки. Она вздрогнула от этого ледяного прикосновения к разгорячённой плоти, от того, как мои руки двигались по ней медленно, неумолимо. Я взял её грудь, чувствуя, как её соски твердеют, упираясь в ладони.

— Не двигайся, — сказал я, и она замерла, подчиняясь не моей воле, а своему собственному желанию.

Я провёл большими пальцами по её соскам. Она застонала, и в нем было удовольствие, которое она не могла и не хотела скрывать. Я наклонился и поцеловал её плечо — холодными губами, чувствуя, как мурашки бегут по её коже. Я поцеловал шею, потом мочку уха. В зеркале я видел, как её глаза закрываются, как она тонет в ощущениях.

— Открой глаза, — сказал я, и она подчинилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.